

УДК 37:378.016+378.4(476-25)(092)

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В БГУ В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ НЕЗАУРЯДНОГО ПЕДАГОГА И УЧЕНОГО

О. А. ЯНОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Обращаясь к исследовательской, преподавательской, административной деятельности Луки Васильевича Шашкова – одного из тысяч университетских интеллектуалов, можно проследить изменения в преподавании педагогики в БГУ с различными новаторскими всплесками и затуханиями, которые были характерны для периода становления БГУ как университета классического. Сделан вывод, что благодаря усилиям этого ученого-педагога был создан коллектив единомышленников, который сформировал образовательные и исследовательские парадигмы важнейшего направления гуманитарных знаний – педагогики.

Ключевые слова: университет; советская высшая школа; педагогика; психология; семья и школа.

PEDAGOGICAL EDUCATION AND SCIENCE AT THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF THE CREATIVE BIOGRAPHY OF THE OUTSTANDING TEACHER AND SCIENTIST

O. A. YANOVSKY^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Looking at the research, teaching, administrative activities of Luka Vasilyevich Shashkov – one of thousands of university intellectuals – changes in teaching pedagogy at the Belarusian State University are traced, with various innovative ups and downs that were characteristic of the period of formation of the Belarusian State University as a classical university. It is concluded that thanks to the efforts of this scientist-teacher, a team of like-minded people was created, which formed educational and research paradigms of the most important direction of humanitarian knowledge – pedagogy.

Keywords: university; Soviet higher school; pedagogy; psychology; family and school.

Сегодня мы с полным основанием можем утверждать, что буквально с первых дней деятельности БГУ в его стенах в тесном единении развивались теория и практика педагогики как самостоятельные образовательные и научные направления. Более того, именно в БГУ в 1920–30-х гг. сформировалось понимание цельности педагогики, психологии, истории

образования и школьного дела. Данное утверждение могло бы стать предметом отдельного рассмотрения. Это потребует внимательного изучения творческого наследия и университетской практики многих выдающихся профессионалов в конкретных областях знаний – математиков, историков, медиков, экономистов, физиков, биологов, правоведов,

Образец цитирования:

Яновский ОА. Педагогическое образование и наука в БГУ в контексте творческой биографии незаурядного педагога и ученого. *Университетский педагогический журнал*. 2021;1:37–48.

For citation:

Yanovsky OA. Pedagogical education and science at the Belarusian State University in the context of the creative biography of the outstanding teacher and scientist. *University Pedagogical Journal*. 2021;1:37–48. Russian.

Автор:

Олег Антонович Яновский – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета.

Author:

Oleg A. Yanovsky, PhD (history), full professor; head of the department of Russian history, faculty of history.

химиков, географов и т. д. (выделим лишь некоторые из множества имен – В. И. Пичета, Д. А. Жаринов, Ф. Ф. Турук, С. М. Мелких, Я. Ю. Лёсик, И. И. Замотин, С. М. Некрашевич, А. А. Смолич, С. З. Каценбоген, А. М. Арцимович, И. Я. Герцык, М. О. Гредингер, Э. В. Змачинский, В. Н. Дурденевский и пр.), не говоря уже об ученых, занимавшихся именно научной разработкой вышеназванных проблем (И. М. Соловьев, В. Н. Ивановский, С. М. Василейский, С. М. Ривес, А. К. Ленц, П. Я. Панкевич и др.).

Изучая документы тех лет, поражаешься вниманию, которое уделялось университетскими преподавателями психолого-педагогическому обеспечению чтения лекций, проведению семинарских и практических занятий, разных учебных и производственных практик, просто популяризации среди белорусского общества новых методик преподавания математики, отечественной и всемирной истории, геометрии, алгебры и т. д. Обращение к творческим биографиям сотен ученых заставляет не только вникать в суть тех или иных сложных для историка-исследователя нюансов учебных предметов и исследовательских пристрастий, но и стараться понять причины постоянного методического совершенствования преподавания, нахождения всевозможных связей между наукой и учебным процессом.

Конечно, советская высшая школа и школа вообще в те десятилетия пребывали в постоянном поиске нового, чуть ли не во всем отличного от дореволюционного образования (как по форме, так и содержанию). Необходимо было осмыслить и суть трудовой школы (как и последующих форм), и содержание учебного процесса в советском университете. Более того, долгое время не прекращались попытки вообще «разобраться» в сущности университетского образования. Так, даже в 1932 г. в посмертном издании в то время пока еще официально признаваемой работы «Русская история в самом сжатом очерке» бывший заместитель наркома просвещения РСФСР, историк М. Н. Покровский утверждал, что «университетская наука была для этой последней (буржуазии. – О. Я.) одним из способов господства над массами»¹. Вместе с тем в предисловии к четвертому изданию своей книги «Русская история с древнейших времен», которую без ложной скромности историк-большевик определил как «наиболее марксистскую», М. Н. Покровский объяснял необходимость ее переиздания «в первой линии педагогическими потребностями» [1, с. 7]. То есть «господство над массами» теперь должно было осуществляться посредством по-марксистски выверенной литературы и, соответственно, педагогов новой генерации. Но эксперименты в педагогике продолжались.

В 1930 г. под редакцией А. З. Иоанисиани, завоевавшего авторитет в советской педагогике через публикации в журнале «Историк-марксист», вышел сборник с характерным названием – «Спорные проблемы марксистской педагогики». В нем сам редактор обрушился на «педагогический оппортунизм», «искажение идей Ленина о политехническом образовании» и т. д. В статьях же авторы, прежде всего А. В. Луначарский, предрекали чуть ли не скорую гибель традиционной школы, ее ненужность в условиях появления «инженера-человека» и «рабочего-инженера», замены квалифицированного труда человека машинами и автоматикой. Недавний нарком просвещения РСФСР в своей статье «Инженер-человек» писал, что «само развитие механизмов непременно приведет к устранению черной работы, устранению черных автоматов, торжеству рабочего-инженера»².

Таким образом, педагогическое сообщество и непосредственно преподаватели различных дисциплин два предвоенных десятилетия были обуреваемы новаторством и экспериментаторством. Выходила масса разного рода изданий по проблематике работы советских школ и высших учебных заведений, организации учебного процесса и его содержанию, воспитательным компонентам в образовании. Делалось это, конечно же, с упором на идеологию. Тем более что сама педагогика понималась чуть ли не как важнейшая составляющая марксистской идеологии.

Однако не только новые идеологемы надлежало внедрять в процесс доведения до студентов и школьников как гуманитарных, так и естественнонаучных знаний. Важно было с учетом уровня первоначальной подготовленности учащихся позволить им овладеть самыми сложными вопросами того или иного учебного предмета. Например, обращение к истории преподавания в БГУ физико-математических дисциплин удивляет тем, что все преподаватели (от профессора до ассистента) сначала педагогического, а затем самостоятельного физико-математического факультета постоянно участвовали в дискуссиях о путях совершенствования преподавания, печатали в республиканской и союзной прессе специальные статьи, издавали методические пособия и книги. В этом преуспели профессоры Ц. Л. Бурстин, В. К. Дыдырко, А. А. Михайловский, И. С. Пятосин, Е. Е. Сиротин, доценты А. П. Круталевич, Г. Н. Сагалович, В. Л. Левкович, Ч. М. Домбровский, А. В. Гельфанд и др. Не менее важно было просто ввести учащихся в мир учения, показать глубокие корни образования и науки. Уже самые ранние публикации первых профессоров БГУ как раз и были нацелены на это. Достаточно

¹Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? Опасная профессия [Электронный ресурс]. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/DANGER/PART_3.HTM (дата обращения: 13.03.2021).

²Инженер-человек (публикуется по: Спорные проблемы марксистской педагогики : сб. ст. / под ред. А. З. Иоанисиани. М. : Работник просвещения, 1930) [Электронный ресурс]. URL: lunacharsky.newgod.su/articles/inzener-celovek/ (дата обращения: 13.03.2021).

хорошо известны работы Ф. Ф. Турука, С. З. Каценбогена, И. М. Соловьева, которые в 1922–1923 гг. печатали первый научный сборник университета [2–5]. А в 1928 г. ректор БГУ В. И. Пичета после ряда газетных публикаций подготовил две объемные статьи, в которых определил историческую закономерность движения белорусов к своему университету [6; 7].

Более того, уже в первые учебные планы БГУ были внесены даже для нашего времени знаковые дисциплины. Так, нарком просвещения БССР, а одновременно декан и профессор БГУ В. М. Игнатовский читал курс «Основные принципы трудовой школы и метод родиноведения», положения которого излагал во время своих выступлений перед работниками системы просвещения Беларуси. На педагогическом факультете в 1927 г. доцент П. Я. Панкевич и ассистент Г. С. Александров вели у первокурсников лекционно-практический курс «Гісторыя пэдагогічных ідэй»³, а у третьекурсников – «Пэдагогіка і вучэньне аб працоўнай школе». К изучению студентам предлагалась разная литература: «История педагогики» (в 2 т.) Е. Н. Медынского, «Теория трудовой школы в ее историческом развитии» А. А. Фортунатова, «Марксистская педагогическая хрестоматия» А. П. Пинкевича, «Педагогическая хрестоматия» И. Ф. Свадковского, «Педагогика» П. П. Блонского и его же «Основы педагогики», «Лекции по экспериментальной педагогике» Э. Меймана и др. Тут же доценты В. В. Перебило и Я. С. Ривес читали курс «Развіцьцё ідэй працоўнай школы» с иным набором рекомендуемой литературы. И уж совсем оригинальным был курс Г. С. Александрова «Гісторыя яўрэйскай народнай асьветы і сучасная сыстэма асьветы БССР і СССР» для студентов еврейской секции педагогического факультета, сопровождавшийся списком, который включал не учебную литературу, а некоторое количество специфических журнально-газетных публикаций. Для студентов-белорусов доцент И. И. Красковский читал схожий курс – «Гісторыя народнай асьветы Беларусі і сучасная сыстэма асьветы БССР і СССР». Вот только он не смог рекомендовать студентам ничего, кроме конспекта своих лекций. Разумеется, в те годы и для гуманитарных, и для естественно-научных специальностей была актуальной дисциплина «Пэдолёгія», а вот в конкретике специальностей курс «Мэтодыка грамадазнаўства» читал профессор-историк Д. А. Жаринов, курс «Мэтодыка прыродазнаўства» – профессор-биолог А. В. Федюшин⁴.

Этот ряд можно продолжить, если поставить задачу последовательно проследить изменения в преподавании педагогики с ее различными но-

ваторскими всплесками и затуханиями. В нашем распоряжении достаточно подобной информации, в которой в большой степени заключена важнейшая парадигма развития университетского педагогического сообщества. Однако оставим этот сюжет для другой публикации, тем более что ранее автором была сделана попытка обобщить некоторые аспекты в многообразии методик преподавания в БГУ на рубеже 1920–30-х гг. [8; 9].

В истории БГУ, если руководствоваться конкретными критериями и преследовать цель определить важнейшие составляющие его предназначения и роли в развитии белорусского социума и государства, можно выделить разные по продолжительности и сущностным характеристикам этапы. Но каждый из них не может рассматриваться без обращения к деятельности (исследовательской работе, преподаванию, администрированию и др.) тысяч сотрудников БГУ, которые создали его как университет классический, наполнили аудитории и кабинеты духом творчества, знаний, устремленности к улучшению всего и вся. Некоторые из университетских интеллектуалов самого разного возраста и уровня профессиональной зрелости влились в коллектив БГУ буквально с первых лет его деятельности. Другие шли к своему университету долгим путем, но в результате стали органичной частью его истории. Среди них особое место принадлежит тем, кто сначала проходил обучение именно в стенах БГУ в качестве студентов и аспирантов, а потом сам долгие годы возвращал новые поколения для того, чтобы университет не только целенаправленно укреплял свою роль в белорусском обществе, экономике, науке и культуре, но и приумножал университетские традиции.

Одним из таких был и Лука Васильевич Шашков. Он родился на исходе XIX в., в октябре 1897 г., т. е. двумя десятилетиями ранее революционных потрясений 1917 г. Его родители были простыми крестьянами-белорусами из деревни с удивительным названием Сертиславль⁵. По данным материалов переписи населения Российской империи 1897 г., которые хранятся в Российском государственном историческом архиве, эта деревушка находилась в составе Городищенской волости Горецкого уезда Могилёвской губернии⁶. Детские и юношеские годы Л. В. Шашкова прошли в повседневных деревенских заботах (непременная помощь родителям по хозяйству, учеба в начальной, а затем второклассной школе). Первая мировая война захватила и 18-летнего парня: летом 1916 г. его призвали в царскую армию, в рядах которой сначала пришлось служить в Смоленске, потом довелось

³Здесь и далее название учебных курсов и дисциплин приводится с сохранением языковых особенностей того времени. – О. Я.

⁴Агляд выкладаньня на пэдагогічным факультэце Беларускага дзяржаўнага унівэрсытэту ў 1927–28 ак. г. Менск : Галоўлітбел, 1927. С. 4–5, 12–13, 30, 35–36, 45.

⁵Арх. БГУ. Ф. 205. Оп. 10. Д. 130. Л. 2.

⁶Рос. гос. ист. арх. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 1347. Л. 216.

оказаться на фронте в саперном батальоне. После февральских событий 1917 г. Л. В. Шашков наблюдал развал империи и крах Временного правительства. В феврале 1918 г. демобилизовался как солдат «старой армии» и до Великой Отечественной войны всегда указывал, что не служил ни в белой армии, ни в Красной армии.

После демобилизации Лука Васильевич экстерном сдал экзамены на звание учителя и стал преподавать в начальной школе с. Городище Горецкого уезда, которое располагалось в нескольких километрах от родного дома. Вскоре активному молодому учителю советская власть доверила руководство волостным отделом народного образования, находившимся там же, в Городище, а немного спустя – сектором социального воспитания школьного подотдела Горецкого уездного отдела народного образования в г. Горки Могилёвской (с 1919 г. – Гомельской) губернии.

Эти карьерные перемещения пришлось на 1919–1922 гг. Однако дальнейшие перспективы продвижения в формирующейся системе народного образования советской Беларуси могли реализовываться только при условии получения высшего образования. И провинциальный советский чиновник, не откладывая, поставил перед собой эту цель. В командировочном удостоверении, выданном ему 1 июля 1921 г. местными властями при направлении на учебу, было записано: «За период своей школьной и административной деятельности с 1918 г. по 1921 г. в качестве школьного работника школы I ступени и завоинаробразом Л. В. Шашков проявил недюжинные организационные способности по делу народного образования своего района...» Оформив необходимые рекомендации, Лука Васильевич мог стать студентом уже в 1921/22 учебном году. Однако уездное руководство от образования решило задержать его для «работы в качестве завуоцвосом». Так спустя некоторое время Горецкий уездный отдел народного образования пояснял неприезд своего работника на учебу в Витебск. В новом заявлении от 18 июля 1922 г. Лука Васильевич просил ректора Витебского педагогического института зачислить его студентом отделения техникумов без сдачи коллоквиума. В документах он подробно перечислил места своей как административной, так и педагогической деятельности (например, в качестве «шкраба» Руднянской единой трудовой школы⁷), а также указал, что «параллельно с этим работал в комиссии несовершеннолетних преступников и Ревтрибунале по взысканию продналога в качестве члена трибунала». На момент подачи документов был холост, постоянно проживал

в д. Сертиславль, но работал в «г. Горки Гомельской губернии, в уотнаробраз»⁸.

Важным аргументом для получения права считаться студентом высшего учебного заведения было то, что Л. В. Шашков в июле – сентябре 1919 г. слушал лекции на «первых 2-месячных педагогических курсах», о чем свидетельствовал солидный печатный документ с перечислением лекторов-профессоров и учебных дисциплин. Среди прочих были прослушаны лекции по «истории и гражданскому воспитанию», «трудовой школе, ее принципам, методам, задачам, организационным планам и программам», «гигиене». Лекции по «родной истории и литературе» можно однозначно понимать с приставкой «русской», но вот курс «Музеи, выставка, экскурсия», видимо, должен был ввести слушателей в область познания всемирного культурного наследия. Преподавался даже курс «Рисование, лепка, аппликаж», который вел авторитетный педагог-методист В. С. Мурзаев – автор вышедших еще в 1912–1913 гг. учебных пособий. В советские годы опыт В. С. Мурзаева продолжительное время оставался востребованным, издавались его пособия⁹.

Если назвать ряд других выдающихся представителей российской науки вообще и педагогики в частности, читавших лекции в заштатных Горках на этих краткосрочных курсах (географ и картограф М. И. Селищенский, историк-антиковед В. С. Сергеев, анатом В. Н. Тонков, философ и педагог, руководитель Московской академии народного образования П. П. Блонский и др.), то можно проникнуться уважением к этим состоявшимся интеллектуалам и одновременно позавидовать Л. В. Шашкову, которому в начале своей педагогической карьеры удалось прикоснуться к вершинам важнейших знаний на избранном профессиональном пути.

С сентября 1922 по сентябрь 1924 г. Лука Васильевич учился в Витебском высшем педагогическом институте, который находился под юрисдикцией РСФСР, о чем свидетельствовали различные официальные документы, сопровождавшие студенческие годы Л. В. Шашкова. Он являлся студентом социально-исторического факультета, а не отделения техникумов, как было записано в заявлении о приеме на учебу¹⁰. Сложно сказать, какие учебные предметы осваивал будущий белорусский ученый-педагог. Известно лишь, что в феврале 1923 г. он сдал зачет по дисциплине «История литературы (Тургенев и Достоевский)». При этом взрослому молодому человеку нужно было буквально «выкручиваться», чтобы не только обеспечить себя, но и помочь родителям.

⁷Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 3. Д. 9143. Л. 17.

⁸Там же. Л. 1.

⁹Мурзаев В. С. Педагогический рисунок (Искусство иллюстрирования на классной доске). 2-е изд., испр. и доп. М. : Школа, 1916. 100 с. ; *Он же*. Рисунки на классной доске в преподавании истории : пособие для учителей. 2-е изд. М. : Учпедгиз, 1960. 111 с.

¹⁰НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 9143. Л. 40, 43.

Витебский период учебы оборвался в 1923 г. В связи с ликвидацией пединститута (точнее – института народного образования) лучшие его студенты и преподаватели были переведены на педагогический факультет БГУ (другие остались в Витебске в образованном педтехникуме). С октября Л. В. Шашков стал студентом общественно-экономического отделения БГУ по белорусской секции. Студент Шашков прослыл активным общественником (был членом бюро секции профсоюза и культкомиссии, председателем студенческой кассы взаимопомощи). К слову, ранее в Витебске он входил в уездное общество пролетарского студенчества. В характеристиках, которые давались студенту и Витебского педагогического института, и БГУ, можно найти схожие констатации. Так, управляющий делами БГУ Д. И. Серко в рукописной справке, выданной студенту 3-го курса Луке Шашкову, почти повторил высокую оценку его педагогических талантов, которая впервые прозвучала в Горках и Витебске: «Л. В. Шашков проявил недюжинные организационные способности по делу народного образования своего района... с точки зрения педагогического подхода к делу школьной обстановки. За свою продуктивную и в высшей степени устойчивую работу... был назначен заведующим сектором социального воспитания...»¹¹

Как бы там ни было, четыре года пролетели в упорном постижении многих гуманитарных дисциплин, освоении марксизма и всех прочих постулатов, которые утверждались в стране, где новая власть определила социалистический выбор развития. В итоге пришлось основательно изучить и постичь почти 30 учебных дисциплин, написать десяток практических работ. Сегодня одни из этих обязательных учебных курсов по-прежнему присутствуют в арсенале подготовки студентов, а названия других удивляют и даже вызывают улыбку. Так, студент Шашков вместе с сокурсниками изучал и сдавал зачеты по белорусскому и французскому языкам, различным историческим дисциплинам – истории Беларуси XIX–XX вв. и истории ее народного хозяйства, истории «новой белорусской литературы», культуры и «культурных движений», отдельным курсам истории России XVIII, XIX и XX вв., истории Западной Европы этих же столетий и истории ее народного хозяйства, истории раннего христианства, первобытной культуры и истории Средних веков, истории социализма и др. Одновременно, как будущий педагог-гуманитарий, он был обязан усвоить учение о трудовой школе, методику обществоведения, историю народонаселения, историю Парижской коммуны, педагогику и психологию, исторический материализм, государственное право и конституции СССР и БССР, а также экономическую

географию, анатомию и физиологию человека¹². Из «необязательных дисциплин» (и такие имелись в учебных планах тех лет), помимо курсов древней и средневековой истории (Греции, Рима, Руси/России), присутствовали этнография Беларуси, логика, социология, методология и классификация наук, история народного образования и педагогики, экспериментальная психология и др. Например, профессорам С. А. Лясковскому и Н. И. Ефимову Лука Васильевич сдавал зачеты по итогам прослушивания лекций по истории Древней Греции, Древнего Рима, истории культуры Востока, истории Средних веков, древнерусской литературы и др.

Если добавить, что студенты выполняли практические работы по методике обществоведения, политэкономии, древнерусской литературе, истории раннего христианства, а также «профпрактикум» и «педпрактикум», то диплом учителя обществоведения не только был свидетельством профпригодности молодого советского специалиста, но и гарантировал возможные карьерные взлеты. Вызывает восхищение то, как первая плеяда профессуры БГУ в меру возможного вводила своих учеников в необъятные сферы познания, освоенные многовековой практикой работы европейских университетов, прививала конкретику накопленных знаний и творческого их осмысления.

В сентябре 1926 г. Лука Васильевич получил временное свидетельство об окончании полного курса обучения в университете, стал кандидатом в члены партии. После защиты дипломной работы временное свидетельство предстояло обменять на «постоянный» диплом. Однако перманентно протекавшие реформационные процессы в советской высшей школе стали заметно ускоряться и радикализироваться. Руководство страны искало возможности «оптимизации» обучения, сближения учебы с производством, наибольшей подготовки «красных спецов». По этой причине сокращались учебные планы, из которых «выбрасывались ненужные» дисциплины и формы работы студентов, до абсурдного минимума урезались сроки обучения и т. д. Была отменена даже подготовка и защита дипломных работ. Поскольку необходимость защиты подготовленной дипломной работы отпала, временное удостоверение выпускника педагогического факультета превратилось в полноценный диплом.

После окончания БГУ Л. В. Шашкову сначала пришлось год поработать директором семилетки в м. Любоничи близ Бобруйска, одновременно учительствуя¹³. Затем он вернулся в Минск, где до ноября 1929 г. был учителем, а потом директором центральной опытно-показательной семилетней школы Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) БССР. Причины переезда в столицу

¹¹Арх. БГУ. Ф. 205. Оп. 10. Д. 130. Л. 27.

¹²Там же. Л. 5.

¹³НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 9143. Л. 4.

Лука Васильевич не раз называл в заполняемых документах весьма трагично – «в связи с тяжелым заболеванием жены». Видимо, так оно и было, хотя сама по себе работа в Минске для состоявшегося педагога являлась более перспективной, чем любые провинциальные должности. Как бы там ни было, но сегодня сложно восстановить причинно-следственные связи в карьерном восхождении будущего университетского педагога. Тем более что, по воспоминаниям его дочери, Татьяны Лукиничны Юркштович, даже в семейном кругу Лука Васильевич не посвящал домочадцев в рабочие перипетии, хотя для своих детей был чрезвычайно заботливым и очень добрым отцом, неприемлющим никакие насильственные воспитательные меры.

В Минске целеустремленный, неординарный директор был замечен и оценен, так как в скором времени последовал его перевод на работу в Наркомпрос БССР в качестве «научного секретаря» (т. е. ученого секретаря) методической комиссии, а потом консультанта-методиста ФЗС (фабрично-заводских семилеток). Проработав менее года в этих должностях, Лука Васильевич поступил в аспирантуру, где учился с октября 1930 г. на протяжении трех лет, используя свои методические познания, приобретенные за время работы учителем и сотрудником Наркомпроса БССР. То есть Л. В. Шашков, будучи уже состоявшимся советским педагогом, принял решение заняться исследованием некоторых проблем педагогики и подготовить кандидатскую диссертацию. Сегодня с интересом воспринимается его заявление о зачислении в аспирантуру (оно находится в личном деле, хранящемся в Национальном архиве Республики Беларусь), написанное 29 августа 1930 г. по-белорусски, черными чернилами, убористым почерком, старательно, на целый лист¹⁴. В заявлении Лука Васильевич аргументировал просьбу о поступлении в аспирантуру («прашу палічыць мяне аспірантам па пэдагогіцы»¹⁵), представив главные сведения о своей учебе, работе, вышедших и запланированных публикациях (в том числе и статьи «мэтадычна-пэдагагічнага характару» в журнале «Комвыхаванне»). Другие, более подробные, сведения изложены в «анкеце»: «...сын селяніна, беларус, жанаты, працуе ў НКА, па савецкай лініі – член гарсавета, па партлініі – кіраўнік партгуртка і дакладчык на розных тэмы».

Разумеется, в центре научных интересов Л. В. Шашкова оказались проблемы, определенные становлением именно советской, социалистической педагогики. Официально его научная специализация тогда называлась «теоретическая педагогика». Учеба в аспирантуре НИИ коммунистического воспитания главным образом проходила в Минске, хотя

были и поездки в Москву. Вновь пришлось постигать вершины знаний в области диалектического материализма, изучать на новом информационном и теоретическом уровне педагогику и ее историю, возрастную психологию и др. Хотя в БГУ студент Шашков изучал французский язык, почему-то учебный план аспирантуры определил изучение немецкого языка. Видимо, он был освоен весьма неплохо, так как в последующих анкетах Лука Васильевич непременно указывал, что владеет немецким языком.

По окончании аспирантуры (правда, без защиты диссертации) Л. В. Шашков был оставлен для работы в том же НИИ коммунистического воспитания (до 1931 г. он назывался НИИ педагогики и педологии, а после 1934 г. – НИИ школьной педагогики). По совместительству в качестве исполняющего обязанности доцента Лука Васильевич стал преподавать курс «Теория педагогики» в Минском педагогическом институте, который, по существу, считал «своим», так как этот институт немногим ранее был создан на базе двух отделений родного ему педагогического факультета БГУ. Одновременно возглавил институтский педкабинет. Но все же университет, безусловно, давал больше возможностей для профессиональной самореализации. К тому же с 1934 г. в нем вновь были воссозданы гуманитарные направления подготовки специалистов. Но лишь с осени 1937 г. Л. В. Шашков перешел на работу в БГУ и все годы, отпущенные ему судьбой, оставался органичной частью университетского коллектива. Сначала Лука Васильевич являлся исполняющим обязанности доцента, а затем доцентом кафедры педагогики, читал лекции на многих факультетах, но более всего студентам-историкам. В мае 1938 г. декан исторического факультета А. П. Пьянков дал такую характеристику преподавателю, который не входил в штат факультета: «...ведет самостоятельный курс теоретической педагогики», «...в процессе чтения курса педагогики никаких извращений и ошибок политического порядка не было»¹⁶. На самом деле, Л. В. Шашкову посчастливилось избежать «извращений» и тем самым репрессий, не считая лишь факта исключения из ВКП(б) в кампанию 1935 г. по итогам проверки партийных документов (впоследствии был восстановлен), в то время как один из его соавторов по публикациям начала 1930-х гг. Ю. С. Дардак, профессор и заместитель директора НИИ коммунистического воспитания, был расстрелян как «агент польской разведки».

Именно в БГУ Л. В. Шашкову удалось завершить написание своей кандидатской диссертации и благодаря поддержке ректората выйти на ее защиту в Московском государственном педагогическом институте (МГПИ). Поддержка выразилась в предо-

¹⁴НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 9144. Л. 1.

¹⁵Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением орфографических особенностей оригинала. – О. Я.

¹⁶НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 9144. Л. 79.

ставлении нескольких командировок в столицу для консультаций с местными специалистами по весьма простой с точки зрения названия, но сложной и вечной по существу теме – «Школа и семья» (рукопись этой диссертации объемом 12 печатных листов сегодня можно найти в московских архивах). Ректор П. П. Савицкий подписал не один пакет документов, которые требовались в сопровождение трех экземпляров диссертации в Совет МГПИ. Он же не раз давал и официальные характеристики университетскому доценту. Например, в октябре 1937 г. в характеристике для ВАК указал, что соискатель ученой степени «читает курс педагогики на всех факультетах... участвует в работе минского педкабинета», а 1 февраля 1941 г. по запросу военкомата относительно Л. В. Шашкова отметил: «Белорус. Ведет самостоятельный курс теоретической педагогики. <...> Ведет научно-исследовательскую работу на самостоятельную тему»¹⁷.

Безусловно, успешность защиты диссертации определил и благожелательный отзыв о научной состоятельности соискателя из Минска, который дал московский профессор С. М. Ривес. На тон отзыва, помимо всего, повлиял тот факт, что С. М. Ривес в годы студенчества Л. В. Шашкова в качестве ассистента, а затем доцента читал курсы по педагогике в БГУ и прослыл в Беларуси крупным авторитетом в области педагогики. Так, его старший коллега профессор С. М. Василейский в 1926 г. отмечал, что С. М. Ривес «идет по тому примеру, который особенно ценен для педагога, а именно идет от педагогической практики к теории и от теории обратно к педагогической практике и жизни... в ту пору величайших потрясений и затруднений он не только не превратился в растерявшегося педагога, но и сумел нащупать своеобразный подход к распутившимся детям и вдохнуть в них возрождающее желание коллективно переустраивать и налаживать совместную трудовую жизнь»¹⁸.

Так что этот авторитетный советский ученый-педагог мог помнить активного студента педагогического факультета БГУ. К тому же сам ректор и ученый секретарь Совета БГУ сочли необходимым «просить» С. М. Ривеса «ознакомиться с диссертацией тов. Шашкова и дать заключение»¹⁹. Защита состоялась 15 февраля 1940 г. в Совете МГПИ. Степень кандидата педагогических наук Л. В. Шашкову члены совета присудили единогласно. В скором времени Лука Васильевич подготовил и отвез в ВАК необходимые документы на утверждение его в ученом звании доцента «по кафедре педагогики». Для этого следовало получить решение ученого совета БГУ, который 29 мая 1940 г. единогласно высказался

«за». К слову, голосовали маститые университетские ученые – биологи Тихон Годнев и Маркел Макушок, химики Фома Осипенко и Михаил Павлюченко, историк Лев Шнеерсон и др. В итоге 23 июня 1940 г. ВАК при Комитете по делам высшей школы в Москве утвердил Л. В. Шашкова в ученом звании доцента по специальности «педагогика»²⁰.

Как отмечалось выше, до начала Великой Отечественной войны Лука Васильевич преподавал в университете на разных его факультетах курс педагогики. Ему удалось эвакуироваться из пылающего Минска, а уже с сентября 1941 г. в качестве доцента учительского института в далеком городе Семенове Горьковской (ныне – Нижегородской) области продолжить свою педагогическую деятельность. В связи с ликвидацией института пришлось учительствовать в средних школах этого города, затем в школе на ст. Ветлужская Горьковской железной дороги, которая находилась примерно в 60 км от Семенова.

В марте 1942 г. почти 45-летнего учителя призвали в Красную армию в качестве «военнослужащего без звания» и направили на курсы подготовки и переподготовки политсостава как преподавателя социально-экономических дисциплин. Служба проходила в тыловых частях – сначала в г. Муроме Горьковской области, а затем в Москве, где Лука Васильевич и был демобилизован по состоянию здоровья в марте 1944 г. Его знания оказались востребованными в родном БГУ, уже почти год как возобновившем свою деятельность на подмосковной станции Сходня. Итогом красноармейской службы педагога стала медаль «За победу над Германией» (1945).

Напряжение на «фронте» мирного труда, по сравнению со всеми предыдущими годами педагогической деятельности, для Л. В. Шашкова вдруг возросло многократно сразу по прибытии на ст. Сходня, где он 4 марта 1944 г. был назначен заведующим общепедагогической кафедрой педагогики и психологии (в феврале 1946 г. последует официальный приказ Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР)²¹. Руководить этим важным во всех отношениях учебно-научным подразделением Л. В. Шашков будет более 17 лет. Уже через пару недель, 20 марта 1944 г., ректором БГУ П. П. Савицким Лука Васильевич был назначен деканом исторического факультета. Доверить признанному ученому-педагогу руководство столь важным во всех смыслах факультетом дал основание полученный в далеком 1926 г. универсальный диплом гуманитария. И декан оправдал доверие сполна. Сначала в меру возможного им был отлажен учебный процесс в экстремальных условиях дачного станционного

¹⁷Арх. БГУ. Ф. 205. Оп. 10. Д. 130. Л. 114, 117.

¹⁸НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7248. Л. 17 об.

¹⁹Арх. БГУ. Ф. 205. Оп. 10. Д. 130. Л. 38–39.

²⁰Там же. Л. 7, 9.

²¹Там же. Л. 34.

поселка, но главное – на фоне крайнего напряжения на фронте и в тылу. Потом Луке Васильевичу пришлось заниматься организацией переезда факультета и всего университета в Минск. Опять же надо было найти приемлемые условия для учебы в разоренной фашистами столице, налаживания труда и быта преподавателей, решения ими научных и общественно значимых проблем. В те годы Л. В. Шашков мог бы считаться, как теперь модно называть, «антикризисным управляющим». Таким он оставался на историческом факультете до 7 октября 1947 г., когда приказом Министерства высшего образования СССР был утвержден деканом филологического факультета БГУ²².

В эти послевоенные годы восстановления республики после чудовищных разрушений, от которых в полной мере пострадал и БГУ, Л. В. Шашков стал заметной фигурой в университетском коллективе. Будучи уже в достаточно зрелом возрасте и всю свою творческую жизнь исповедуя только одно направление научных и преподавательских интересов – педагогику во всех ее возможных составных частях, Лука Васильевич посчитал необходимым сконцентрироваться в большей степени на научной деятельности, подготовке докторской диссертации. Обязанности декана сначала одного сложного факультета, потом другого, также специфичного и важного в системе университетских координат и запросов общества и государства, никак не способствовали реализации себя в науке. Поэтому декан филологического факультета Л. В. Шашков нашел возможность 28 августа 1951 г. просить ректора БГУ освободить его от должности и сосредоточиться на руководстве кафедрой, заняться совершенствованием своей учебной деятельности и, главное, написанием диссертации. Как аргумент в пользу «избавления» его от деканства в заявлении указано: «Почти 8 лет работаю деканом, не являясь специалистом в области истории и филологии. Все это, в какой-то мере, мешало мне работать по специальности. Прошу все это учесть и с 1-го сентября с/г освободить меня от исполнения обязанностей декана филфака БГУ»²³. Заявление на имя ректора В. А. Томашевича Лука Васильевич написал буквально на клочке бумаги и подписался как доцент, но не декан. После некоторых раздумий 9 октября ректор подписал приказ с простым аргументом – «учесть просьбу». И это при том, что, как декан филфака, Лука Васильевич в характеристиках, подписанных за многие годы четырьмя ректорами БГУ, назван «чутким и внимательным руководителем», сочетающим эти качества с требовательностью к членам коллектива, обеспечившим «количественное и качественное вы-

полнение учебного плана» и «проведение политико-воспитательных мероприятий среди студентов и преподавателей» и др.²⁴

Так получилось, что этот поворот в судьбе педагога пришелся на юбилейный год в истории университета – в октябре республика отмечала его 30-летие. Возможно, Лука Васильевич специально подобрал такого рода момент, чтобы быть правильно понятым руководством, найти у ректора сочувствие своим планам как ученого. Оценку труда Л. В. Шашкова на посту декана за предшествующие годы отразила Почетная грамота Верховного Совета БССР, врученная во время праздничных мероприятий. Нельзя не отметить, что несколько ранее по случаю 30-летия БССР он был награжден медалью «За трудовую доблесть», а в 1953 г. получил высокую правительственную награду – орден «Знак Почета»²⁵. Через три года, во время торжеств, приуроченных к 35-летию БГУ, Л. В. Шашков уже как «просто» заведующий кафедрой будет удостоен благодарности и грамоты ректора БГУ К. И. Лукашева. Потом, в ноябре 1957 г., благодарности и грамоту Луке Васильевичу вручил новый ректор – А. Н. Севченко. В 1967 г. в связи с 70-летием со дня рождения и 35-летием научно-исследовательской работы доцент Л. В. Шашков был удостоен почетных грамот Министерства высшего и среднего специального образования БССР и БГУ, благодарностей министра и ректора, хотя ректорат университета настойчиво ходатайствовал перед высокими инстанциями о представлении доцента Л. В. Шашкова к более высокой правительственной награде.

Все награды дорогого стоили: они свидетельствовали о том, что Лука Васильевич ни на одном этапе своей деятельности в университете не снижал активности, достойно исполнял обязанности декана, заведующего кафедрой, преподавателя, работал как ученый и как востребованный в студенческих аудиториях доцент. Преподавание разных курсов он не прекращал, даже будучи деканом исторического и филологического факультетов. Так, в одной из многочисленных официальных характеристик, которые и теперь сопровождают работу преподавателей, был высоко оценен учебный курс Луки Васильевича по теории педагогики, при этом подчеркивалось, что он отражает практику работы школы, имеет высокий идейно-теоретический уровень и т. д.²⁶ Кроме того, Л. В. Шашков постоянно выступал с публичными лекциями в учительских коллективах, перед родителями и учащимися минских школ. В характеристике 1955 г. за подписью ректора К. И. Лукашева и секретаря парткома И. Н. Лушицкого кратко, но значимо было отмечено, что заве-

²²Арх. БГУ. Ф. 205. Оп. 10. Д. 130. Л. 36.

²³Там же. Л. 46.

²⁴Там же. Л. 11–26.

²⁵Там же. Л. 3.

²⁶Там же. Л. 15.

дующий кафедрой педагогики и психологии «вполне справляется с обязанностями». Характеристика же 1956 г., которую подписали тот же ректор и новый секретарь парткома В. И. Старовойтов, другими словами, но столь же высоко оценивала деятельность Л. В. Шашкова уже как заведующего кафедрой педагогики, психологии и логики и доцента с 37-летним стажем преподавания. И в дальнейшем все характеристики, писавшиеся не формально и достаточно конкретно отражавшие личные и деловые качества сотрудника БГУ, были пронизаны только позитивными оценками, среди которых констатация «хорошего авторитета у студентов и научных сотрудников» университета, пожалуй, наиболее своеобразно, но емко отразила органичную принадлежность Л. В. Шашкова к корпорации БГУ, его значимость как руководителя, педагога и ученого.

Нельзя обойти вниманием цельность натуры и характера Луки Васильевича. Он был органичен в системе тех общественных координат, не имел негативных фактов в своей биографии, что так выискивались в 1930-х – начале 1950-х гг. у неординарных личностей, сколько-нибудь выделившихся из общей массы советских людей. В партию вступил еще в 1929 г. и всегда был активен во всех проявлениях партийной и общественной работы. Так, в разные годы Л. В. Шашков входил в состав парткома и ученого совета БГУ, был ученым секретарем ученого совета гуманитарных факультетов, членом бюро секции педагогики Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования БССР, являлся членом группы народного контроля университета и общества по распространению политических и научных знаний, вел работу по повышению квалификации учителей республики, как внештатный пропагандист Минского обкома КПБ выступал с лекциями по педагогическим знаниям среди населения. В республиканских газетах печатались его статьи по различным проблемам педагогики.

Важнейшей частью своей миссии как преподавателя университета Л. В. Шашков считал постоянное повышение собственной квалификации, что в обязательном порядке должно подкрепляться исследовательской работой. По этой причине он и пренебрег административной карьерой, определил для себя необходимость работы над докторской диссертацией. Тем самым Лука Васильевич пытался наверстать упущенное, в частности публиковать статьи, которых в условиях довоенных и послевоенных лет в «послужном списке» было явно недостаточно для поддержания имиджа университетского ученого. Лука Васильевич упорно трудился над монографией, в которой изложил главные факты, свои научные обобщения в контексте темы докторской

диссертации. Монография «Основы успешного обучения учащихся в советской школе» объемом 173 с. была выпущена издательством БГУ в 1959 г. К этому времени в списке опубликованных научных работ доцента и заведующего кафедрой насчитывалось 17 наименований.

Значимость научной деятельности университетского педагога заключалась не в количественных показателях, а в том, что он всегда стремился заниматься наиболее актуальной тематикой, важной для всей системы школьного образования: работал над злободневными проблемами 1920–30-х гг., а потом переключился на исследование вопросов, которые волновали советскую школу в послевоенный период. Сегодня в трех фундаментальных библиотеках Республики Беларусь (Национальная библиотека Беларуси, библиотеки НАН Беларуси и БГУ) без труда можно ознакомиться с опубликованными в 1920–60-х гг. работами Луки Васильевича. Содержание некоторых из них не утратило своей актуальности и в настоящий момент, другие же отражают «запросы времени». Уже в 1929 г. в духе активизации борьбы с церковью Л. В. Шашков в соавторстве с И. К. Самковичем, В. В. Пигулевским (первый был известным филологом и автором многих учебных пособий для школ, а второй – общественно-политическим деятелем, писателем и заведующим Белорусским отделом при Министерстве просвещения Латвии) и другими своими старшими коллегами по Наркомпросу БССР опубликовал в Белгосиздательстве многостраничную методичку для учителей об антирелигиозном воспитании в школе²⁷. Одновременно он выпустил брошюру «Общественно полезная работа школы». Через два года совместно с известным в Беларуси организатором еврейского школьного обучения, научным сотрудником НИИ коммунистического воспитания Ю. С. Дардаком написал и издал книгу «Працоўны пакой: як пабудаваць працоўны пакой і як арганізаваць працу ў ім». В том же 1931 г. уже вместе с А. Н. Яворским издал учебник для 5-го года обучения в системе ФЗС, КС и ШКМ (это аббревиатуры названий форм советских трудовых политехнических школ, действовавших в СССР до 1934 г. (фабрично-заводские семилетки, школы колхозной молодежи и др.)) под скромным названием «Рабочая книга па грамадазнаўству», но в весьма объемном формате (209 с.). В педагогических журналах за 1931–1933 гг. были опубликованы три статьи аспиранта НИИ коммунистического воспитания (одна из них называлась «Какой есть и каким должен быть урок»). Апогей научных усилий Луки Васильевича в области педагогики пришелся уже на послевоенное время. Состоявшийся ученый, кандидат педагогических наук Л. В. Шашков, разрабатывая проблематику своей докторской

²⁷ Антырэлігійнае выхаванне ў школе: з практыкі Мінскай цэнтральнай даследчай школы: для другога канцэнтра школ-сямігодак : дапам. для настаўнікаў / Л. В. Шашкоў [і інш.]. Менск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1929. 102 с.

диссертации, сконцентрировал внимание на чуть ли не главном вопросе в системе школьного образования: «Каким образом добиться максимальной эффективности обучения детей?», рассматривая все составные части этого многогранного процесса, в котором должны сыграть свою роль и родители, и школа, и общество, и, конечно же, заинтересованность в учебе самих учеников. В характеристике, датированной июнем 1945 г., указывалось, что в послужном списке ученого имеются статьи «Содержание и методы работы классного руководителя» и «Критика мелкобуржуазных теорий свободного воспитания». Итогом исследований конкретно по теме диссертации стали две небольшие работы – «Что нужно делать родителям для успешной учебы детей» (1952) и «Індывідуальны падыход да вучняў як сродак павышэння іх паспяховасці» (1955). В эти годы в республиканских газетах «Настаўніцкая праўда», «Звязда», «Мінская праўда» и журнале «Савецкая школа» были опубликованы статьи методического характера, но с конкретными практическими рекомендациями для учителей республики (например, статья «Як дапамагаць дзецям добра вучыцца» в «Мінскай праўдзе» за 1957 г.). Одновременно педагог обращался и к проблемам высшей школы, участвуя в конференциях. Так, на второй методической конференции БГУ, прошедшей в 1956 г., он сделал доклад об особенностях политико-воспитательной работы в вузах. Как уже отмечалось выше, в 1959 г. Лука Васильевич опубликовал монографию «Основы успешного обучения учащихся в советской школе» объемом 173 с. Безусловно, по своему замыслу, названию и концептуальным парадигмам содержание этой монографии могло бы стать предметом отдельного рассмотрения. Однако оставим это для специалистов и заинтересованного читателя. Но вот участие ученого-педагога в написании первой системной книги по истории альма-матер, которая ждала своего рождения целых 40 лет, следует признать очевидной заслугой Луки Васильевича и его коллег и перед университетом, и перед высшей школой в целом. Правда, Л. В. Шашков в этой коллективной работе²⁸ не выступил автором отдельного очерка о кафедре педагогики и психологии: почему-то редколлегия не сочла нужным представить среди прочих «общественных кафедр» его кафедру, несмотря на очевидно плодотворные многолетние традиции разработки методик преподавания в БГУ как естественно-научных, так и гуманитарных дисциплин. Можно предположить, что Лука Васильевич участвовал в написании очерков о филологическом и историческом факультетах.

Но вот его образ книга зафиксировала под 1961 г. на коллективной фотографии 39 членов ученого совета БГУ. Пробел в университетской истории в части рассказа о развитии в БГУ педагогической науки, а также психологии был ликвидирован в новом издании, существенно измененном в содержательном и смысловом плане и приуроченном к 50-летию юбилею университета²⁹.

Конечно, очерк «Педагогика и психология» в этой книге писал не Лука Васильевич, умерший в 1968 г. В должности заведующего одноименной кафедрой его еще в 1963 г. сменил С. А. Умрейко, ученый с огромным багажом и научных знаний, и административного опыта. Ему и его коллегам и уделено основное внимание: представлены научные направления, педагогическая и общественная деятельность. Однако роль Л. В. Шашкова в становлении кафедры в послевоенные годы подчеркнута особо. Назван почти десяток крупных научных проблем, которые успешно разрабатывались сотрудниками кафедры педагогики и психологии под руководством Луки Васильевича, в том числе и лично его научные интересы. Так, среди заслуг ученого указаны его книги «Індывідуальны падыход да вучняў як сродак павышэння іх паспяховасці», «Основы успешного обучения учащихся в советской школе» и написанная накануне 100-летия со дня рождения В. И. Ленина статья «Ленин об учителе», которая и завершала творческий путь университетского педагога.

Как указывалось выше, Лука Васильевич все силы сосредоточил на написании диссертации, тема которой не раз корректировалась. Так, в приказе Министерства высшего образования СССР, а затем в приказе БГУ, изданных в марте 1955 г. в связи с предоставлением Л. В. Шашкову 3-месячного творческого отпуска для завершения написания диссертации, ее тема звучала достаточно расплывчато: «Педагогические основы повышения качества знаний учащихся, предупреждения и преодоления их неуспеваемости»³⁰. Однако Лука Васильевич почему-то отказался воспользоваться этим отпуском, что повлекло за собой бюрократический церемониал подготовки приказов по отмене предыдущих приказов. Соискатель заверил ректора БГУ К. И. Лукашева, что завершит свою работу к концу года. И действительно, в том же 1955 г. текст диссертации Л. В. Шашкова обсудили коллеги с кафедры педагогики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и дали «положительные оценки». Однако, как можно предположить, имелись и серьезные замечания: в последующие годы название диссертации

²⁸Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина / отв. ред. Л. С. Абецдарский. Минск : Изд-во МВССиПО БССР, 1962. 277 с.

²⁹Белорусский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени В. И. Ленина / ред.-сост. А. И. Кожушков. Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1971. 319 с.

³⁰Арх. БГУ. Ф. 205. Оп. 10. Д. 130. Л. 48.

в измененном виде стало созвучно названию монографии 1959 г.

И только к середине 1960-х гг. тема была представлена в совет по защите диссертаций под лапидарным, но многозначимым названием – «Дидактические основы обучения». То есть ученый в процессе работы над материалом углубился не столько в конкретику «успешного обучения учащихся в советской школе», чему была посвящена его монография 1959 г., сколько в исследование глубинных теоретических вопросов дидактики. В конце 1966 г. диссертация была подготовлена к защите. К новому пакету документов соискатель приложил очередную свою характеристику за подписью ректора БГУ А. Н. Севченко, секретаря парткома БГУ Т. Е. Дударевой и председателя месткома И. Т. Роговского⁵¹. В ней в который раз были отмечены значимость работы Л. В. Шашкова для университетского сообщества, высокие научные и педагогические кондиции автора, активность в общественно-политической сфере.

На момент представления диссертации к защите Лука Васильевич три года как не являлся заведующим кафедрой: для администрирования даже на «низовом» университетском уровне далеко после 60 лет уже не хватало энергии, стремления к нахождению новых путей и форм работы кафедрального коллектива. Правда, когда в июне 1963 г. на заседании кафедры педагогики и психологии коллеги единогласно переизбрали Л. В. Шашкова для продолжения работы уже в качестве доцента, ректор БГУ А. Н. Севченко попытался испросить у министра высшего, среднего специального и профессионального образования БССР М. В. Дорошевича «в виде исключения» переизбрать Луку Васильевича заведующим кафедрой на второй срок. Сложно разобраться в хитросплетениях норм и правил тех лет. Возможно, отсчет сроков руководства кафедрой велся в связи с ее постоянными переименованиями в 1950–60-х гг. В послевоенных документах чаще всего она называлась кафедрой педагогики и психологии, но вдруг возникали иные названия: либо добавлялась третья наука – логика, либо исключалась психология и в результате оставалась одна педагогика. В данном случае необходимо еще раз подчеркнуть, что почти до 1927 г. кафедр в нашем понимании в советских вузах не существовало, хотя этот термин постоянно употреблялся, но только для того, чтобы указать на наличие в университете определенного направления преподавания и исследований, что выражалось в наличии профессора или же иного крупного специалиста в данной области, вокруг которого постепенно концентрирова-

лись кадры соответствующей подготовки. Это отражало многовековые традиции.

С октября 1963 г. решением ученого совета БГУ Л. В. Шашков стал работать доцентом на «своей» кафедре, которой он отдал так много творческих и физических сил, и с еще большим рвением и желанием старался наконец-то поставить точку в осмыслении научной проблематики, которой занимался десятилетиями. Высшую степень готовности диссертации к защите подчеркивал факт ее нахождения на рассмотрении на кафедре педагогики Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена⁵². Вот только судьба распорядилась иначе: творческие и все остальные планы были нарушены смертью, наступившей 17 июня 1968 г. Похоронен Л. В. Шашков на Восточном кладбище Минска.

Подводя итоги, можно констатировать, что выпускник педагогического факультета БГУ 1920-х гг. Л. В. Шашков всю свою жизнь и научное творчество посвятил альма-матер. Он прошел сложный путь от преподавателя до декана двух ведущих гуманитарных факультетов университета – исторического и филологического. По сути, именно Лука Васильевич смог наладить их учебную и научную работу в сложное время восстановительного периода после колоссальных разрушений, нанесенных фашистской оккупацией. Но главным делом творческой биографии Л. В. Шашкова стало 17-летнее руководство кафедрой педагогики и психологии БГУ. Именно он создал коллектив единомышленников, который сформировал образовательные и исследовательские парадигмы важнейших направлений гуманитарных знаний. Сам ученый-педагог почти всю свою жизнь занимался разработкой проблем, связанных с нахождением оптимальных путей и средств обучения школьников, делал акцент на том, что формирование образованного, всесторонне развитого молодого поколения немыслимо без объединения усилий школы и семьи. Различным подходам к налаживанию эффективной работы этого важного союза посвящены многие научные и публицистические статьи университетского педагога, его кандидатская диссертация, монография «Основы успешного обучения учащихся в советской школе» и полностью подготовленная к защите докторская диссертация на тему «Дидактические основы обучения». Несомненной заслугой Л. В. Шашкова следует признать его участие в написании первой системной истории БГУ, где он изложил этапы развития в университете педагогических знаний и науки.

⁵¹Арх. БГУ. Ф. 205. Оп. 10. Д. 130. Л. 25.

⁵²Там же. Л. 65.

Библиографические ссылки

1. Покровский МН. *Русская история с древнейших времен. Том 1*. Москва: Государственное социально-экономическое издательство; 1933. 272 с.
2. Соловьев И. Школа и задачи научной педагогики. *Труды Белорусского государственного университета в Минске*. 1922;1:67–73.
3. Турук Ф. Университетская летопись. *Труды Белорусского государственного университета в Минске*. 1922;1:175–207.
4. Каценбоген СЗ. Белорусский государственный университет за 1921–1922 академ. год (Итоги и перспективы). *Труды Белорусского государственного университета в Минске*. 1922;2–3:326–364.
5. Каценбоген СЗ, составитель. *Белорусский государственный университет в 1922–23 учебн. году (Итоги и перспективы)*. Минск: 1-я Гостипография «Белтрестпечати»; 1923. 52 с.
6. Пічэта УІ. Пытанне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым. *Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту ў Менску*. 1928;19:3–19.
7. Пічэта УІ. Савецкая ўлада і пытанне аб адчыненні ўніверсітэта на Беларусі. *Савецкае будаўніцтва*. 1928;6:137–144.
8. Яноўскі АА. У пошуках аптымальных метадых выкладання (з гісторыі арганізацыі вучэбнага працэсу ў БДУ ў 1920–1930-я гады). *Гісторыя: праблемы выкладання*. 2006;10:3–12.
9. Яновский ОА. Семья и дети в профессиональном поле первого поколения белорусских ученых (1920–1930-е гг.). В: Яноўская ВВ, Зянюк РУ, укладальнікі. *Гісторыка-этнаграфічныя і дэмаграфічныя аспекты даследавання сям’і: вынікі, праблемы, перспектывы*. Даніловіч ВВ, Голубеў ВФ, Лакіза ВЛ, Марфіна ВУ, рэдактары. Мінск: Беларуская навука; 2018. с. 174–183.

References

1. Pokrovsky MN. *Russkaya istoriya s drevneishikh vremen. Tom 1* [Russian history since ancient times. Volume 1]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial’no-ekonomicheskoe izdatel’stvo; 1933. 272 p. Russian.
2. Soloviev I. [School and tasks of scientific pedagogy]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta v Minske*. 1922; 1:67–73. Russian.
3. Turuk F. [University chronicle]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta v Minske*. 1922;1:175–207. Russian.
4. Katzenbogen SZ. [Belarusian State University for 1921–1922 academic year (Results and prospects)]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta v Minske*. 1922;2–3:326–364. Russian.
5. Katzenbogen SZ, compiler. *Belorusskii gosudarstvennyi universitet v 1922–23 uchebn. godu (Itogi i perspektivy)* [Belarusian State University in 1922–23 academic year (Results and prospects)]. Minsk: 1-ya Gostipografiya «Beltrestpechati»; 1923. 52 p. Russian.
6. Picheta VI. [The question of higher education in Belarus in the past]. *Pracy Belaruskaga dzjarzhawnaga universitjetu w Mensku*. 1928;19:3–19. Belarusian.
7. Picheta VI. [Soviet power and the question of opening a university in Belarus]. *Saveckae budawnictva*. 1928;6:137–144. Belarusian.
8. Janowski OA. [In search of optimal teaching methods (from the history of the organization of the educational process at BSU in 1920–1930s)]. *Gistoryja: prablemy vykladannja*. 2006;10:3–12. Belarusian.
9. Yanovsky OA. [Family and children in the professional field of the first generation of Belarusian scientists (1920–1930s)]. In: Janovskaja VV, Zjanjuk RU, compilers. *Gistoryka-jetnagrafichnyja i djemagrafichnyja aspekty dasledavannja sjam’i: vyniki, prablemy, perspektivy* [Historical ethnographic and demographic aspects of heritage of syam: issues, problems, perspectives]. Danilovich VV, Golubew VF, Lakiza VL, Marfina VU, editors. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. p. 174–183. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.02.2021.
Received by editorial board 15.02.2021.